

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-7-10

УДК 32

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА В ПОЛИТОЛОГИИ

Жуковский Д.А.

Статья посвящена важной проблеме – становлению политического плюрализма в политологии, а также выявлению специфики этого процесса на каждом из этапов в контексте имеющегося в этом направлении научного дискурса.

Ключевые слова: *методологический плюрализм; политология; неинституциональная парадигма; социальный институт.*

PECULIARITIES OF FORMATION OF METHODOLOGICAL PLURALISM IN POLITICAL SCIENCE

Zhukovskiy D.A.

The article looks at the important issue of political pluralism formation in political science, as well as the process peculiarities at each stage within the context of existing scientific discourse.

Keywords: *methodological pluralism; political science; neo-institutional paradigm; social institution.*

Становлению методологии политологии и ее парадигм происходило в рамках методологического развития гуманитарного знания и его методологии в целом, а поэтому классификация этапов становления политологии и ее методологии совпадает с этапами становления социально-гуманитарного знания в целом, но в политологии популярна периодизация следующего типа:

- классический период (до XIX века), характеризующийся доминированием дедуктивного, логико-философского и морально-аксиологического подходов;

- институциональный (середина XIX – начало XX в.), в рамках которого предпочтение отдается историко-сравнительному и нормативно-институциональному подходам в политологических исследованиях;
- бихевиоралистский (1950-е – 1970-е гг.), во время которого началось использование количественных методов, а предметом исследования политической науки выступает политическое поведение;
- постбихевиоралистский (с конца XX века), который связан с синергией традиционных и инновационных подходов и методов в политологических исследованиях [3].

На классическом этапе развития политической науки господствовала нормативная парадигма исследования в политической методологии, хотя иные методы (сравнительный, компаративный) также применялись, но значительно реже. Их активное использование пришлось на второй период – институциональный, когда предметом политической науки становятся политические институты и процессы. В рамках сравнительного анализа политических институтов различных государств начинают применяться данные эмпирических исследований, однако, только на третьем этапе, бихевиоралистском, эмпирическая верификация становится основным методологическим принципом, т.е. на данном этапе провозглашается господство количественных методов. При этом активно используются данные естественных наук (медицины, психологии и т.д.) при объяснении политических процессов и явлений.

Возвращение к качественным методам исследования начинается в период постбихевиорализма, когда начинается критика бихевиорализма в 1960-х – 1970-х гг. и делаются попытки преодолеть его недостатки. Снова возникает интерес к нормативной методологии, но при этом постбихевиорализм признает прошлые достижения политической науки и в попытках их соединения с новыми возникают теории среднего уровня, сочетающие элементы нормативной политической теории и эмпирической науки [2].

Данная периодизация слишком общая, не дает возможности глубоко проникнуть в значительные направления, сформировавшиеся в политической науке, но не всегда удачно вписывающиеся в указанную периодизацию.

Так, А.В. Лубский говорит о таких методологических основаниях научного изучения политических процессов, в том числе региональных, как бихевиористский, небихевиористский, институциональный и неинституциональный, ресурсно-акторный и коммуникативный подходы, теория рационального выбора, системный, ситуационно-факторный и структурно-функциональный анализ [7, с. 140-146].

О принципах бихевиористского и небихевиористского (постбихевиористского) подходов мы уже писали и лишь подчеркнем, что в рамках последнего ограниченность первого, связанная с ориентированностью на количественные методы познания, т.е. на то, что позволяет исследовать видимую часть политики, т.е. политическое поведение, была преодолена и в результате политическое поведение стали изучать не только в контексте реакции на внешнюю социальную реальность но и как результат внутренних процессов, происходящих в политическом пространстве общества.

Интерес представляет институциональная и в большей степени неинституциональная парадигмы политологических исследований, поскольку в современной России и на всем постсоветском пространстве наблюдается процесс разрушения традиционных социальных институтов и становления других, новых, а поскольку институциональная система общества выступает фундаментом социального развития, институциональному подходу должно быть удалено особое внимание.

Здесь важно четко развести два подхода – институциональный и неинституциональный, показав, в чем отличие и преимущества последнего перед первым, и для этого мы произведем небольшой ракурс в историю становления институционального направления. Исследователи задумываются о природе социальных институтов и, к примеру, И.А. Шмерлина, полагает, что социальные институты формируются стихийно и представляют собой лингвистические практики, опирающиеся на биологически укорененную предрасположенность человека к символическому поведению [22], т.е. социальные институты рассматриваются как врожденные программы социального поведения.

П.В. Панов также полагает, что процесс становления социальных институтов основывается на коллективном осмыслении социальных взаимодействий, которое актуализируется индивидами в процессе интеракций [14].

Традиционное понимание социальных институтов идет от М. Вебера, который рассматривал их как «принудительные ассоциации» [9], но сегодня это понятие значительно трансформировалось.

Полтавская Е.И., в рамках анализа понятия «социальный институт» рассматривает ряд подходов, среди которых нормативный, информационный, функциональный [17], и пишет о том, что с позиций нормативного подхода социальный институт представляет собой устойчивую форму формальных и неформальных правил, принципов, установок, норм, регламентирующих различные сферы человеческой деятельности и образующих социальную систему; с позиций информационного подхода социальный институт есть специфическое знание, выработанное

многие поколениями людей и содержащее нормы поведения для современных и будущих поколений; в функциональном ключе социальный институт представляет собой устойчивую структуру, выполняющую определенные функции по удовлетворению потребностей индивидов, социальных групп, общества.

Э. Дюркгейм рождение социальных институтов рассматривал как результат социальной практики и социальных потребностей, которые формируются в ходе развития социума, трансформируясь в устойчивые, типичные отношения в обществе, и Т. Веблен под социальными институтами понимал также общепринятые образцы поведения, а также привычки мышления [17].

В этом же ключе дает определение социального института А. Рэдклифф-Браун: социальный институт – это стандартизованные способы поведения, с помощью которых социальная структура как сеть социальных отношений поддерживает свое существование во времени [19].

Таким образом, важнейшим свойством социальных институтов выступает их устойчивость и воспроизводимость [18]. На этом основано и определение социального института Т. Парсонса: социальные институты – это нормативные модели, определяющие, что в данном обществе считается должным, законным и ожидаемым образом действия и взаимодействия [15].

В общем-то, в этом заключается их основная роль – формирование устойчивой структуры взаимодействий и снижение, за счет этого, степени социальной неопределенности за счет того, что в обществе функционирует привычная система правил в определенной сфере жизнедеятельности, и порой, даже в условиях снижения их эффективности, индивиды по привычке продолжают их воспроизводить. Это объясняет устойчивость институциональных норм и институциональных рисков в условиях, когда социальные институты уже не выполняют эффективно свои функции.

Со временем категория «социальный институт» претерпевает изменения и происходит оформление неинституциональной теории, в рамках которой социальные институты рассматриваются как «правила игры» в обществе, или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми [10]. Т.И. Заславская, отталкиваясь от определения социального института Д. Норта, трактует социальный институт как целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных «правил игры», т.е. принципов, норм, установок, способов контроля, поощрений и санкций, регулирующих системы ролей и статусов, образцы поведения и типы социальных практик в различных сферах человеческой деятельности [5]. Определение социальных институтов А.В. Полосина также базируется на неинституциональной парадигме, так как под институтами им понимаются организационная

структура социума и внедренные в нее формальные и неформальные процедуры, установленные порядки, нормы и соглашения [16].

В рамках данного подхода предполагается, что социальные институты представляют собой динамичные социальные образования, способные к изменению. Институциональные изменения определяют ход общественного развития во времени и их изучение является ключом к пониманию исторических перемен.

На чем основывается этот вывод? Для подтверждения этой позиции приведет в кратком изложении теорию неонституционализма одного из ее видных представителей Д. Норта, который разработал ее для экономической науки, но выдвинутые им положения сегодня с успехом применяются в различных отраслях научного знания, в том числе политологического.

Социальные институты является продуктом определенной эпохи, специфики социокультурного развития общества и институциональных отношений, а также заложенной в каждой социальной системе институциональной матрицы. Именно она определяет специфику институционального развития и общественной динамики, результативность преобразовательной деятельности. «Институциональная эволюция экономики зависит от взаимодействия между институтами и организациями. Если институты – это правила игры, то организации и предприниматели, которые их создают, – это игроки... Появление тех или иных организаций обусловлено институциональной матрицей. Так, если институциональная система поощряет бандитизм, возникает организованная преступность; если же поощряется производство, то возникают производственные организации (фирмы)» [11].

Изменения в том или ином социальном институте – это следствие изменения неформальных и формальных нормы, составляющих сущность социальных институтов. Понимая под социальными институтами набор формальных правил, неформальных ограничений и механизмов их принудительного осуществления [12], Д. Норт оговаривает, что формальные правила, в отличие от неформальных, могут быть изменены достаточно быстро на уровне государства, а неформальные ограничения изменяются значительно медленнее и формируется пространство противоречий между ними, которое и порождает институциональные риски и низкую эффективность институциональной системы.

Ключевой идеей теоретической конструкции Д. Норта выступает положение о зависимости институциональной системы и ее развития от исторической траектории общества и истории его институционального развития, что в науке получило название пат-зависимости, как исторической зависимости настоящего от прошлого, которое аккумулируется в социальных институтах, которые и оказывают влияние на социально-экономическое и политическое развитие общества [13].

Итак, в рамках методологии неoinституционализма политическая система общества выступает результатом предшествующего развития политических институтов общества и их эффективность/неэффективность определяется, во многом, выбранной исторической траекторией развития в момент становления политических отношений и организаций. На этом основании можно сделать вывод о том, что при переходе к принципиально иной системе организаций политических отношений (примером могут служить постсоветские страны, и прежде всего Россия) институциональная система со специфической системой политических ценностей и норм, которая сформировалась на протяжении всего исторического опыта, тормозит решение новых задач и проблем, не вписывающихся в ценностную систему данной институциональной матрицы, а потому Д. Норт совершенно прав, когда пишет, что «зависимость от выбранного маршрута» является важным фактором в ограничении наших способностей изменить ситуацию к лучшему в краткосрочном периоде» [12].

Почему мы столь пристальное внимание уделяем неoinституциональной парадигме исследования? Ответ прост: в эпоху трансформации, а именно ее переживает современное российское общество, исследование политической институциональной системы невозможно на основе традиционной институциональной методологии, а потенциал неoinституциональной теории с ее феноменом пат-зависимости позволяет многое объяснить и прогнозировать.

Совершенно очевидно, что в процессе трансформации политической системы при переходе от одного политического порядка к другому следует учитывать ряд важнейших факторов социокультурного, этнокультурного, регионального и социально-экономического характера, обусловленных особенностями развития российского общества на всем протяжении его истории в ходе формирования цивилизационного облика и типа России со специфическим институциональным пространством, институциональными отношениями и ценностями, определяющими характер взаимодействия общества и власти, политическую культуру и политическое мышление, отношение к праву и т.д.

На этом основании на передний план политологического институционального анализа выходит историческая уникальность общества, заложенная в его институциональной системе и истории ее формирования и функционирования, что и определяет методологическую важность неoinституционального подхода к исследованию трансформации российского общества и формированию нового политического порядка, а также разработанной в его рамках теории институциональных матриц, в российской науке представленной разработками С.Г. Кирдиной, О.Э. Бессоновой [6].

В рамках методологии неoinституционализма можно найти объяснение тому факту, почему решение политических проблем российского общества не приносит ожидаемого результата – все дело в выбранной на определенном историческом этапе траектории развития и, соответственно, выходящие за ее рамки нововведения плохо приживаются на российской почве, поскольку нарушается принцип институциональной комплементарности, что продуцирует рост институциональных рисков, их распространение на всю социальную систему и устойчивое воспроизводство.

В современной науке разрабатывается также активистско-деятельностная парадигма исследования институциональных изменений, в рамках которой институциональные изменения рассматриваются как «морфогенез» и «морфостазис», как постоянное становление, как результат человеческой практики, а элементами социальных институтов выступают как сами индивиды, так и их коммуникации, практики, взаимодействия [20, с. 37]. Уровень и характер институциональных изменений с позиций данной парадигмы определяется уровнем активности акторов этих институциональных изменений, которые обладают определенной ресурсоемкостью, различными властными диспозициями, уровнем символического капитала, знаниями, навыками, а сами социальные институты представляют собой механизмы устойчивого воспроизводства определенных практик, ресурсов, социальных ситуаций и норм при том, что социальные практики напрямую зависят от ресурсов властной группы.

По своей сути данный подход также базируется на неoinституционализме, поскольку гласит о том, что процесс институциональных изменений начинается с трансформации старых формальных и неформальных структур, которые начинают давать сбой в работе и испытывают кризис, что и приводит к институциональному неравновесию при замене старых институциональных правил новыми, но в данной концепции, активистско-деятельностной, ключевое значение отводится социальным акторам и их социальному взаимодействию в ходе распределения ресурсов.

Другими словами, в борьбе за ограниченные ресурсы и происходит деформация и разрушение сети старых экономических и политических практик, а новые, постепенно вытесняя старые с «поля» взаимодействия, начинают воспроизводиться, оформляясь в новые институциональные практики [20, с. 41].

Близкие позиции с данным подходом обнаруживает ресурсно-акторный подход, в рамках которого изучаются ресурсы различных групп политического влияния, определяющие ход политических процессов, а также коммуникативный, в рамках которого политические процессы рассматриваются как продукты взаимодействия политических акторов [7, с. 145]. Структурно-

функциональный подход в исследовании политических процессов связан с изучением устойчивых элементов политической системы и связей между ними в их функциональной определенности для поддержания стабильности и целостности этой системы.

Системный же подход в политологии требует всестороннего учета разнообразных факторов, влияющих на политические процессы, которые в рамках данной парадигмы рассматриваются как целостные образования, состоящие из устойчивых множеств политических элементов, находящихся в постоянной взаимодействии и выполняющих определенные функции [7, с. 143].

Системная теория имеет множество направлений, но для нашего исследования важное значение имеет системный подход в аутопойетическом варианте. Центральной категорией здесь выступает «аутопойесис» (данный термин введен чилийским ученым У. Матураной) – самовоспроизводство жизни с помощью элементов, произведенных в самой живой системе. Эта идея взята, как видим, из естественных наук, но удачно вписалась в социальные. В результате сформировалась системная теория в аутопойетическом варианте, которая постулирует о том, что социальная система является самонаблюдающим, аутопойетическим, рекурсивным механизмом и демонстрирует собственную интеллектуальную логику развития и динамику [8], а происходит это за счет того, что система оперирует только теми структурами, которые она сама же и создала, т.е. она сама себя производит и воспроизводит – «пойесис» – производство, «ауто» – сам.

На данном основании можно исследовать и политические системы с определенными выводами, близкими к выводам на базе теории институциональных матриц, т.е. политическая система общества как аутопойетическая система воспроизводит свои основные компоненты, поддерживая тем самым собственную идентичность, а потому появление новых элементов как неестественное явление для такой системы вносит определенный диссонанс в работу системы, которая работает только со своими структурами и элементами, а переработка «чуждых» элементов занимает определенное время с результатом, определить который заранее сложно.

Изменения внутри системы, конечно же, возможны и реальны, но это вопрос самоопределения системы, поскольку за ним может произойти смена идентичности, а процесс этот очень долгий. Поэтому мы и наблюдаем инерционные процессы в трансформации политической системы российского общества, в которой столь трудно приживаются (или вовсе не приживаются) элементы чужеродной политической системы.

Другими словами, каждая политическая система, в рамках данной системной теории, самодостаточна, поскольку имеет собственные ресурсы развития и воспроизводит себя на их

основе. Что же происходит, когда этих ресурсов становится явно недостаточно? Вот тогда-то и происходит внешнее влияние, за которым следуют системные трансформации, способные привести к качественному изменению системы, ее обновлению, но сущностные характеристики системы, составляющие ее ядро, сохраняются.

Продолжая дискуссию о парадигмах политологии, следует сказать словами А.Г. Жуковского, что без концепций, базирующихся на основе марксизма, анализ этой проблематики был бы неполным [4], поскольку они могут стать основой для интерпретации происходящих в современной политической реальности изменений. Действенность идей Маркса, преломленная в трудах современных исследователей, стала основой для формирования неомарксизма, заменившего ортодоксальный марксизм и адаптировавшего его идеи к современной реальности. Неомарксизм стал результатом научного поиска в области исследования современных политических процессов с помощью идей и трудов Маркса [21].

Интерес к трудам Маркса возник далеко не случайно, а в ответ на вызовы XX века. Появилась острая необходимость пересмотра идей Маркса в ответ на образование тоталитарных режимов в Европе, а также накопления ряда проблем в результате развития капитализма и нового, одномерного, типа человека, который не просто нещадно стал эксплуатировать природу, но совершенно перестал считаться с ее законами. Т.В. Адорно пишет о бессознательном порабощении природы, которое происходит на протяжении всего исторического пути развития человеческой цивилизации [1]. Сегодня потребительское отношение к природе перенесено и на социальный мир – потребительское общество вступило в полосу затяжного духовного кризиса, из которого выхода нет без смены парадигмы общественного и цивилизационного в целом развития. Потребительское общество не способно на созидание, оно только потребляет, а это верный путь к гибели и европейская цивилизация в этом отношении наиболее близка к ней, о чем прозорливо писал еще О. Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» [23].

Не вдаваясь в подробный анализ неомарксизма, можно опереться на мнение А.Г. Жуковского, проделавшего скрупулезный анализ этого направления и пришедшего к выводу, что «неомарксизм позиционирует себя как альтернативную всем видам позитивизма и объективизма, гуманистическую парадигму политологического исследования. Дистанцируясь от традиционного марксизма с его объективистским экономическим детерминизмом в понимании политики, от позитивизма с его универсализацией естественнонаучной модели знания и ее критериев достоверности, неомарксистская парадигма ориентируется на субъектно-антропологический

подход к политическим феноменам, рассматривая их с точки зрения соотношения свободы и репрессивности, самоотчуждения человека в условиях различных политических режимов и утраты им своих бытийных измерений, деформации естественных для человека инстинктов в современном обществе» [4].

Таким образом, современная политология представляет собой пестрое мозаичное полотно, причудливый узор которого, казалось бы, неупорядочен и бессистемен, поскольку в нем присутствуют различные по величине, цвету, конфигурации составляющие его элементы, при этом образующие некую упорядоченную структуру, в которой соединяются различные политологические теории и парадигмы. Таким образом, установка на методологический плюрализм, а также на полипарадигмальность, сформированная на современном этапе развития политического знания в рамках постмодернистского направления, приводит к ревизии фундаментального принципа политической науки, формирующего согласованные позиции относительно предмета ее исследования, а потому и возникает проблема теоретического статуса инновационных теоретических конструктов и полученного в их рамках инновационного знания.

Список литературы

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. – М., 2003. С. 317.
2. Байме К. Политическая теория: эмпирическая политическая теория // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. С. 496.
3. Ганнел Д. Политическая теория: эволюция отрасли // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 66.
4. Жуковский А.Г. Неомарксизм: возможности и результаты применения в политологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №1(09), 2012 / www.sisp.nkras.ru
5. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. С. 102-103.
6. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2; Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000; Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10.

7. Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 140-146.
8. Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Издательство «Логос», 2007. С. 67.
9. Мальковская И.А. Социологический профиль информационно-коммуникативного общества // Социологические исследования. 2007. № 2.
10. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis / Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 73.
11. Норт Д. Функционирование экономики во времени: Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года) // Электронный ресурс: <http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=981>
12. Норт Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики. – <http://www.finansy.ru/publ/north.htm>
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
14. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 12.
15. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект. 2000. С. 334.
16. Полосин А.В. Институциональные рамки региональной безопасности России // Власть. 2009. № 1. С. 90.
17. Полтавская Е.И. О понятии «социальный институт» // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 68.
18. Розин В.М. Становление и особенности социальных институтов: культурно-исторический и методологический анализ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 22.
19. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. – М., 2001. С. 231-232.
20. Ситнова И.В. Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса «институциональных изменений» (опыт зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 37.
21. Хевеши М.А. Неомарксизм и его место в истории западной философии XX века. – <http://commune.narod.ru/marxism>
22. Шмерлина И.А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 53-69.
23. Шпенглер О. Закат Европы. – Мн.: ООО «Попурри», 1999.

References

1. Adorno T.V. *Negative Dialectics*. – M., 2003. P. 317.
2. Bayme K. Political Theory: Empirical Political Theory. *Political Science: New Perspectives*. – M., 1999. P. 496.
3. Gannel D. Political Theory: the Evolution of the Branch. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 12. Socio-Political Studies. 1993. No. 1. P. 66.
4. Zhukovskiy A.G. Neo-Marxism: the Results as Applied to Political Science. *Modern Research of Social Problems*. No. 1(09), 2012. www.sisp.nkras.ru
5. Zaslavskaya T.I. Contemporary Russian Society: Social Mechanism of Transformation. – M.: Delo, 2004. Pp. 102-103.
6. Kirdina S.G. Civil Society: Avoiding Ideologemes. *Sociologicheskiye Issledovaniya* [Sociological Research]. 2012. No.2; Kirdina S.G. Institutional Matrices and the Development of Russia. – Moscow: TEIS, 2000; Kirdina S.G. Institutional Structure of Contemporary Russia: Evolutional Modernization. *Voprosi Ekonomiki* [Problems of Economics]. 2004. No. 10.
7. Lupsky A.V. The Methodology of Regional Research in the Social Science and the Humanities. Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Federal University, 2009. Pp. 140-146.
8. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. – M.: Publishing House «Logos», 2007. P. 67.
9. Malkovskaya I.A., Sociological Profile of Information and Communication Society. *Sociologicheskiye Issledovaniya* [Sociological Research]. 2007. No. 2.
10. North D. Institutions and Economic Growth: Historical Introduction // Thesis / Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems. 1993. No. 2. P. 73.
11. North D. Economic Performance through Time: the Nobel lecture (December 9, 1993). – <http://www.strana-oz.ru/?numid=21&article=981>
12. North D. The Contribution of the New Institutional Economics to an Understanding of the Transition Problem. – <http://www.finansy.ru/publ/north.htm>
13. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – M.: Economic Books Fund «Nachala», 1997.
14. Panov P.V. Institutions, Identities, Practices: Theoretical Model of Political Order. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. P. 12.
15. Parsons T. The Structure of Social Action. – Moscow: Academic Project. 2000. P. 334.
16. Polosin V.A. Institutional Framework of the Regional Security of Russia. *Vlast*. 2009. No. 1. P. 90.

17. Poltavskaya E.I. On the Concept of a «Social Institution». *Sociologicheskiye Issledovaniya* [Sociological research]. 2009. No. 3. P. 68.
18. Rozin V.M. The Formation and Characteristics of Social Institutions: Cultural, Historical and Methodological Analysis. – M.: Publishing house 'LIBROKOM' 2013. P. 22.
19. Radcliffe-Brown, A.R. Structure and Function in Primitive Society. Essays and Lectures. – M., 2001. Pp. 231-232.
20. Sitnova I.V. Activist-Pragmatistic Methodology in Simulating the Process of «Institutional Change» (Overseas Concepts). *Sociologicheskiye Issledovaniya* [Sociological Research]. 2012. No. 7. P. 37.
21. Heveshi M.A., Neo-Marxism and its Place in the History of 20th-Century Western Philosophy. – <http://commune.narod.ru/marxism>
22. Shmerlina I.A. The Concept of «Social Institution»: Studying the Research Approaches. *Sociologicheskiy Journal*. 2008. No. 4. Pp. 53-69.
23. Spengler O. The Decline of The West. – Mn.: «ООО Popurri» LLC, 1999.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Жуковский Денис Александрович, доцент кафедры, кандидат политических наук
Донской государственной технической университет (ДГТУ)
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия
greenday01@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhukovskiy Denis Aleksandrovich, associate Professor, Ph.D. in Political Sciences
Don state technical University (DSTU)
Gagarin`s sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia
greenday01@yandex.ru